

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “НАРОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА”

20–22 ноября 2003 г. в Архангельске состоялась международная научная конференция “Народные культуры Русского Севера”. Это уже вторая¹ встреча специалистов по традиционной культуре, организованная Поморским государственным университетом при поддержке Института мировой литературы РАН (председатель оргкомитета конференции – чл.-кор. РАН, заведующий отделом фольклора ИМЛИ В.М. Гацак; руководитель и координатор проекта – доцент ПГУ, заведующий лабораторией фольклора² Н.В. Дранникова). В работе участвовали ученые из Литвы и России.

На конференции прозвучали два блока докладов. Первый из них был посвящен Русскому Северу как полиэтничному региону, механизмам культурных контактов разных этносов на этой территории. Т.В. К р а с н о п о л ь с к а я (Петрозаводск) в докладе “Два взгляда на проблему межэтнических связей” акцентировала внимание на том, что Русский Север является определенной историко-культурной зоной, что подтверждают данные археологии, этнографии, фольклора, музыкологии и т.д. Различные народы, разновремененно осваивавшие эту территорию, аккумулировали все духовные явления, сложившиеся в данной зоне, и у каждого из народов эти явления “прорастают” в своеобразных формах. Так, просодическая формула, которая в русской традиции известна по знаменитому былинному напеву Рябиных, в велеской культуре закрепилась в причитаниях, а у южных карел – в рунах; отмечена она и в песенной культуре коми и марийцев. Термин “влияние”, которым столь долго оперировали ученые, когда имели дело с контактами двух народов, оказывается, таким образом, не во всем состоятельным.

Т.Г. В л а д ы к и н а (Ижевск) в докладе “Финноугорское и славянское в исторической динамике” подчеркнула, что в современной науке тезис о безусловно господствующем влиянии русской культуры на культуру финноугорских народов становится неактуальным. Межэтнические контакты, без сомнения, вызывают разнонаправленные процессы. Соответственно в культурном поле складываются зоны полной ассимиляции русскими местного финноугорского населения; территории, где отмечается взаимовлияние народов; регионы с полиэтническими контактами, где преобладает культурная интерференция. Докладчица напомнила, что население Великого Новгорода, пришедшее в Средневековье в полиэтничную среду Северо-Востока Европейской части России, само изначально было полиэтничным.

Анализ средневековой топонимии Южного Обонежья, восстановленной А. Соболевым (Архангельск) по писцовым книгам XV–XVII вв., продемонстрировал, как взаимодействие разных этносов (вепсов и русских) сказывается в географических названиях, причем топонимический материал репрезентирует разнонаправленные процессы в сфере межэтнических контактов.

В докладе В.Л. К л я у с а (Москва) были проанализированы конкретные примеры воздействия русской культуры на удмуртскую в области заговоров и заклинаний. Предметом сообщения стали рукописные тетрадки с текстами русских и удмуртских заговоров и молитв, обнаруженные докладчиком в одной из удмуртских семей, а также видеозаписи, сделанные им во время экспедиции в Удмуртию.

В.А. Б а х т и н а (Москва) рассмотрела различные этнорегиональные трансформации русского духовного стиха о Федоре Тироне. Как известно, основная версия этого стиха связана с эпизодом змеборства малолетнего богатыря-святого, что сближает духовный стих с былинной традицией. Именно эта, эпическая по своему характеру версия сохранилась в традиции казаков-некрасовцев. В фольклоре коми *Педор Кирон* борется не со змеем, а с внешним врагом (“чужие люди”, татары), и гибнет от полученных ран. Эпическое начало здесь тесно переплетается с лирическими мотивами (тема прощания героя с родным домом), а сам стих сближается с лирическими песнями о гибели молодца на войне.

Этномузыковед И.М. Н у р е в а (Ижевск) на удмуртском песенном материале анализировала интересную проблему восприятия мелодики одного этноса представителями другого.

Анкетирование показывает, что носители песенной традиции и иноэтнические слушатели, не знающие содержания песен (русские), дают разные эмоциональные характеристики одной и той же песни. Таким образом, непосредственное впечатление от напева у слушателя накладывается на его собственный устоявшийся этнокультурный опыт.

На конференции подымались также вопросы типологических сопоставлений однородных явлений в русском и финноугорском фольклоре. В докладе Т.Г. И в а н о в о й (С.-Петербург) «Мотив “отдай, чего дома не знаешь” в русском и удмуртском фольклоре» был предложен историко-типологический анализ известного сказочного мотива и продемонстрированы механизмы превращения мифологического и этнографического субстрата в повествовательный нарратив (быличку), а через него – в художественное полотно сказки. Основные звенья этого процесса, как пыталась показать докладчица, восстановимы только на совокупном материале удмуртского и русского народов. При этом удмуртский фольклор сохраняет наиболее архаические ступени развития рассматриваемого мотива, а русский материал предлагает конечный итог эволюционной цепочки.

В двух докладах были освещены некоторые элементы культуры малых финноугорских народов – вепсов и ингерманландцев.

И.Ю. Винокурова (Петрозаводск) в сообщении “Конь и потусторонний мир в традиционных представлениях вепсов (опыт сравнительно-исторической реконструкции)” остановилась на народной версии образа коня, имеющего, как известно, индоевропейские истоки. Археологический, лингвистический, фольклорный и этнографический материал демонстрирует, что в мифологических представлениях вепсов конь мыслился прежде всего как посредник между “своим” и “чужим” мирами: он везет покойника, деревянные изображения коня встречаются на мужских могилах, на лошади колдун едет в лес в обряде “отведывания” пропавшей скотины, жеребенку приписывалась особая роль в поисках клада и т.д. В докладе “Художественные сравнения в ингерманландских рунах рекрутской тематики”. Э.Г. Рахимова (Москва), опираясь на методику Ф.М. Селиванова, разработанную им в систематическом указателе “Художественные сравнения русского песенного эпоса” (М., 1990), представила опыт скрупулезного анализа метафорического поля в рекрутских рунах финноугорского населения Ленинградской обл.

В сообщении И.А. Разумовой (Апатиты) и М.Л. Лурье (С.-Петербург) была поднята проблема структуры исторической памяти народа, которая, согласно докладчикам, конструируется из четырех уровней: макронационального, этнического, локального и семейно-биографического. Доклад был построен на экспедиционном материале 2001 г., собранном в коми-ненецких поселках Ненецкого национального округа, население которых подверглось сильной ассимиляции со стороны русских. Было отмечено, что в устных нарративах исторического содержания наблюдаются тесные связи семейно-биографического и локального уровней. Семейные мемораты содержат в себе яркое этиологическое начало. Главные темы – появление на этих землях хронологически обозримых родоначальников семей (конец XIX – начало XX в.) и строительство здесь поселков (1950-е годы). Одновременно было показано, что рассказы представителей коми-жемских семей, когда-то пришедших в здешние места, содержат нередко факты преодоления кризисных ситуаций, в нарративах же ненцев преобладают эсхатологические настроения. Любопытно также, что макростория (коллективизация, Великая Отечественная война) остается вне устных рассказов населения данного локуса. Макронациональный уровень исторической памяти реализуется, как отметили докладчики, исключительно в трудах местных краеведов.

Некоторые страницы из области опыта изучения зарубежной наукой традиционной культуры стали предметом внимания в докладе В.М. Гацака (Москва). Ученый остановился на работах немецкого исследователя Хайнца Вернера, рассматривавшего традиционную культуру как “пучок субстанций” (слово, музыка, танец, музыкальный инструмент и т.д.), американского антрополога Томаса А. Себеока, одного из зачинателей общей семиотики, и финской фольклористки Анны-Леене Сиикалы.

Второй блок докладов, в которых рассматривались разные стороны традиционной жизни русского народа, касался исключительно русской составляющей в традиционной культуре Русского Севера.

Доклад Н.В. Дранниковой (Архангельск) “Образ жителя Севера в устных рассказах и анекдотах” касался популярной в современной фольклористике темы “прозвищного” фольклора – лексем, паремий, анекдотов, преданий, в которых упоминаются прозвища жителей того или иного региона. Докладчица продемонстрировала, как обрядовые и мифологические представления, лежащие в основе оппозиции “свой/”чужой”, обуславливают создание различных прозвищ.

К.К. Логинов (Петрозаводск) поделился со слушателями экспедиционными впечатлениями о таком довольно закрытом для сторонних наблюдателей аспекте народной жизни, как

знахарство и колдовство. Наблюдения велись в современном провинциальном северном городе Онега.

Материалу, лежащему на стыке этнографии и фольклора, посвятила сообщение “Рассказы об обетных святынях в современном русском репертуаре” Л.В. Фадеева (Москва). Докладчица показала, как пинежская обетная святыня (крест, сооруженный по поводу какого-либо кризисного события) порождает вокруг себя различного рода устные нарративы. Жанровые особенности этих рассказов, несмотря на всю их обыденность и погруженность в повседневную жизнь, сближают данные повествования, по мнению докладчицы, с легендами, основное зерно которых – представление о “чуде”.

Ю.А. Новиков (Вильнюс, Литва) в докладе “Былины Прокопия Шуваева: опыт реконструкции репертуара эпического певца” предпринял попытку на основании внетекстовых сведений восстановить репертуар кулойского былинщика, который упомянут в сборнике А.Д. Григорьева как “учитель” многих певцов, с которыми он встретился в Архангельском крае. Сам собиратель во время экспедиции на Кулой этого сказителя в живых уже не застал, но репертуар певца (около 20 былинных сюжетов), согласно Ю.А. Новикову, можно восстановить, анализируя указания А.Д. Григорьева. Григорьевская тема была заявлена и в докладе И.В. Лемешкина (Прага, Чехия), зачитанном Ю.А. Новиковым, где прозвучали малоизвестные российским фольклористам отзывы зарубежных ученых (Махал, Фасмер, Андерсон) на второй (Кулойский) том “Архангельских былин” А.Д. Григорьева, опубликованных в 1939 г. в Праге.

В сообщении Т.С. Каневой (Сыктывкар) был представлен интересный опыт изучения поэтики песенно-игрового фольклора Усть-Цильмы. Различного рода клише, составляющие поэтический инвентарь песен, был проанализирован докладчицей как одна из составляющих, указывающих на своеобразие данной локальной традиции. Вербально-музыкальные формы севернорусского фольклора нашли отражение и в сообщении О.Н. Вотицовой (Коряжма) “Причитания с центральным образом красоты в нижневычегодском свадебном обряде”.

Материалы данной конференции планируется опубликовать в специальном сборнике.

Примечания

¹ О конференции 2001 г. см.: *Иванова Т.Г.* Научная хроника из Архангельска // Живая старина. 2001. № 4. С. 61–63. Материалы конференции опубликованы: Фольклорный этнитет этноса. Матер. российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 г.). Архангельск, 2002.

² См. о лаборатории: Ровесник университета. Факультет филологии и журналистики. 1932–2002 / Помор. гос. ун-т. Архангельск, 2002. С. 18–21.

Т.Г. Иванова

© ЭО, 2004 г., № 5

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ФОЛЬКЛОР ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ”

27–30 ноября 2003 г. в г. Якутске состоялась международная конференция “Фольклор палеоазиатских народов”, организованная Музеем музыки и фольклора народов Якутии, Министерством культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) и поддержанная с финансовой стороны Министерством культуры РФ. Конференция явилась реализацией одного из пунктов федеральной программы “Культура России”. Ранее Музей музыки и фольклора народов Якутии провел две конференции, ставшие заметными событиями в развитии этнографии и фольклора: “Шаманизм как религия: генезис, реконструкции, традиции” (1992) и “Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов” (2000).

В конференции “Фольклор палеоазиатских народов” участвовали исследователи из 10 регионов РФ – Якутии, Чукотки, Сахалина, Камчатки, Магаданской обл., Приморского и Хабаровского краев, Таймырского автономного округа, Новосибирска, Москвы, С.-Петербурга – а также ученые из Японии и США. Наряду с проблемами фольклора на конференции обсуждались вопросы археологии, истории и отдельных видов искусства палеоазиатских народов.